

ДРАМА СВЯТИТЕЛЯ ГЕОРГИЯ (КОНИССКОГО)

“ВОСКРЕСЕНИЕ МЕРТВЫХ”:

СВЯЗЬ С ЕВАНГЕЛЬСКИМИ ПРИТЧАМИ

13 февраля (26 февраля н. ст.) этого года исполнилось 225 лет со дня блаженного успения архиепископа Могилевского Георгия (Конисского) – выдающегося иерарха, определением Синода Белорусской Православной Церкви причисленного к лику местночтимых святых [См.: 3, с. 145; 5, с. 112]. Уроженец города Нежина на Черниговщине, воспитанник Киево-Могиланской академии святитель Георгий вошёл в историю украинской, белорусской и российской культур как ревностный поборник веры и благочестия, богослов, философ, проповедник. В его духовном наследии мы встречаем и поэтические произведения, а также назидательную пьесу (так называемую “драму-моралите”) “Воскресение мертвых”, являющуюся, по сути, настоящей проповедью важных вероучительных и нравоучительных истин.

Драма-проповедь “*Воскресеніє мертвих*” обще убо всім будуще, но страждущим всім неповинно в віці сем блаженно, а обидящим гибельно; в п’яти дійствіях в пользу чаючим оногo показанное Георгієм Коніцким, 1746 [літа]” относится к числу довольно известных памятников украинской литературы эпохи Гетманщины. Ей уделяется большее или меньшее внимание во многих исследованиях (например, в работах литературоведов П. Билоуса, С. Ефремова, А. Мишанича, Н. Сулимы, философов М. Кашубы, С. Крымского). Безусловно, она не может не заинтересовать и богослова. Более того, именно богослова это произведение и должно заинтересовать в первую очередь: написанная Георгием (Конисским) пьеса исполнена догматических и нравственно-богословских смыслов. Тщательное изучение теологической составляющей драмы “Воскресение мертвых” помогает лучше

понять мировоззрение её автора – в то время ещё молодого священноинока, преподававшего в Киево-Могилянской академии поэтику, – ознакомиться с некоторыми особенностями отечественной богословской мысли, религиозного и нравственного состояния украинского общества XVIII столетия.

О центральном *догматическом* акценте, сделанном в пьесе Георгия (Конисского), красноречиво свидетельствует уже само её название. Как известно, учение о всеобщем воскресении умерших, которое будет предшествовать Страшному Суду, представляет собой неотъемлемую часть христианской эсхатологии. Не случайно оно присутствует в Никеоцареградском Символе Веры в виде краткого, но содержательного, недвусмысленного, обнадеживающего и вдохновляющего на духовный подвиг утверждения: “Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века”. Основанный, прежде всего, на истинах Ветхозаветного (Иезек. 37:1–14) и Новозаветного (Иоан. 5:24–30; 1 Кор. 15; 1 Фес. 4:13–18 и др.) Откровения, догмат о соединении душ “всех от века усопших” с их оживлёнными Всемогущим Творцом телами не всегда воспринимался человеческим сознанием. Доверие исключительно своему чувственному опыту постижения мира, некая растерянность и страх перед неизбежностью смерти, лжемудрствования, заблуждения, отрицание бытия Бога и потустороннего мира и, наконец, коварство сил зла делали (и, к сожалению, делают) своё пагубное дело: учение о воскресении мертвых очень часто становилось предметом непонимания, осуждения или же вообще высмеивания. Хрестоматийным примером мыслителей, не желавших принять настолько важную библейскую истину, выступают упомянутые в Евангелии саддукеи, крайне дерзновенно, со скрытой иронией, и, вместе с тем, до чрезвычайности нелепо пытавшиеся убедить в том, что “нет воскресения” ... Самого Воскресителя мёртвых – Христа (Мар. 12:18–27; Лук. 20:27–39).

Вразумление “саддукеев” Нового времени – одна из целей, которую ставит перед собой Георгий (Конисский), обладавший весьма ощутимым талантом церковного драматурга. Как указывает биограф святителя И. Минькевич, его драма “Воскресение мертвых” “направлена против отрицающих будущую жизнь, каких было не мало в то время среди киевской интеллигенции” [4, с. 117]. Предлагаемые Георгием доказательства неопровержимости воскресения усопших мы встречаем в I-ом действии пьесы, в которой развивается первая – малая – её сюжетная линия (размышления благочестивого Земледела и его беседа со Священником о грядущих судьбах человечества), а также в канте (поучительном песнопении), завершающем эту часть произведения. Напоминая о евангельском повествовании (в частности, о воскрешении Спасителем четверодневного Лазаря (Иоанн. 11:1–46)), о явлениях, наблюдаемых в природе (о ежедневном восхождении солнца, о “засівах”, которые “гниють зимою”, но всё же “ростуть весною”), об очевидной для здравого смысла необходимости торжества справедливости на всеобщем Суде (“І що ж то було б, когда б на суд тот не встали? Без мзди благиї, злії б без казни остали”), Георгий (Конисский) подводит своего читателя и, конечно, же зрителя к выводу – воскресение мёртвых обязательно произойдёт. “Два рази глуп, кто встать по смерті не чаєт” [1, с. 339], – стыдит драматург-проповедник современное ему “саддукейство”.

Богословское содержание I-ого действия драмы не является сугубо догматическим: и здесь, и во всём произведении в целом ощутимо преобладает дух *нравоучения*. При этом избранная автором этическая проблематика закономерно соответствует проблематике вероучительной. Георгий (Конисский) с особой силой подчёркивает, что, хотя воскреснуть суждено всем без исключения людям, их состояние в новом бытии будет разным – тягостным для грешников и блаженным для праведников. “Зде в мирі всяко живуть і вмирають всяко, – І на суд убо Божий встануть неоднако” [1, с. 338], – такова ещё одна из краеугольных идей пьесы.

Согласно авторскому замыслу, осознать истинность этой идеи и сделать свою жизнь более совершенной, более благочестивой зрителю или же читателю помогут следующие четыре действия. В них развивается новая сюжетная линия драмы – объёмная и впечатляющая иллюстрация к христианскому учению о загробном мире. Состояние душ усопших, – поучает Георгий, – является назидательным образом будущего состояния людей в вечности, ожидающей каждого из нас после воскресения.

В новой части пьесы “Воскресение мертвых” повествуется о двух прямо противоположных по характеру и поступкам персонажах, наделённых необычными и глубоко символическими именами – Диоктит (с греч. “угнетатель”) и Гипомен (с греч. “терпящий”). Первый из них, как свидетельствует уже само его имя, порочен. Снедаемый жаждой обогащения он всячески издевается над добродетельным Гипоменом: незаконно лишает его имущества, разлучает с родными, преследует как преступника. Слуги Диоктита жестоко избивают невинного страдальца, и он “з упованієм блаженного воздаянія умираєт”. Однако мучитель ненадолго переживает свою жертву – в скором времени душевный недуг пьянства сводит Диоктита в могилу. Его душа, обречённая на вечные муки, изводится из преисподней для встречи с душой Гипомена. Гонитель поражён славой, которой сподобился убитый и обещанный им праведник: “Се яко в поднебесних молнія блистаєт, Сице Гіпомен нині лучами сіяєт” [1, с. 352]! Наконец, Диоктит снова уводится в ад, а Гипомен благословляет Бога за своё спасение и за великое утешение, неизмеримо превосходящее боль и горечь всех перенесённых страданий: “Недостойні во правду биша мої страсті До ізбитка благ вічних возданной мні часті” [1, с. 353]! Страстотерпец спешит возвратиться в райские обители, в которых его ждёт истинное блаженство...

Повествование Георгия (Конисского) о Диоктите и Гипомене рассматривается исследователями как обличение пороков и несправедливости, имевших место в жизни общества того времени. Драматург

стремится противостоять не только лжеучениям: пьеса “Воскресение мертвых” выступает проповедью добродетели, посрамлением греховности, а также смелым протестом против притеснения честных людей, продажности судей, беззакония и произвола “сильных мира сего”.

Подобный протест мы встречаем и в собственно проповедническом наследии святителя Георгия. В одном из поучений – слове на Новый год – он ведёт речь о добрых и недобрых людях, сравнивая их поступки и судьбы. Недобрые – рабы греха и слугители “золотого тельца”, издевающиеся над ближними. “Если достанется на их долю честь и власть, они подчиненных своих до нага оберут, если умножится их богатство – они еще развратнее или еще скупее станут и засохнут над своим идолом золотым или серебряным...”, – обличает испорченность человеческих нравов проповедник. Георгий (Конисский) недвусмысленно утверждает, что таких людей непременно ждёт справедливое возмездие: “если новый год принесет им смерть, то они пойдут, чтобы получить воздаяние за свои злодеяния...” [2, с. 4].

Совсем иным бывает завершение земного пути доброго человека. Если праведник умрёт – поучает святитель Георгий, – “то смерть – для него упокоение (Иов. 3:23), такое упокоение, которое не только освободит его от трудов и забот, от бед и гонений, но и доставит ему отраду и утешение, по слову Пророка: *восхвалятся преподобнии во славе и возрадуются на ложах своих* (Пс. 149:5), во царствии небесном” [2, с. 2]. Обращаясь к ревнителям добродетельной жизни – “живущим для Бога и любящим Его”, – архипастырь призывает их не бояться находящих скорбей и печалей. Даже исход из дольного мира не должен приводить в отчаяние праведного. “Случится ли вам какое несчастье, или болезнь, или самая смерть: эти несчастья и болезни, случающиеся по воле Божией, будут для вас огнем, который очистит вас как серебро и золото (Малах. 3:3), и вы еще светлее воссияете, пред целым светом, в день второго пришествия Христова; а смерть – принесет вам только покой

от трудов и подвигов ваших” [2, с. 6], – ободряет и обнадёживает Георгий (Конисский) свою благочестивую паству.

Трудно не ощутить связь между приведёнными наставлениями святителя и его драматическим поучением. И слово на Новый год, и пьеса “Воскресение мертвых” созданы глубоко верующим человеком, священнослужителем, верным апостольскому наставлению: “Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещавай со всяким долготерпением и назиданием” (2 Тим. 4:2). И Георгий-проповедник, и Георгий-драматург обращается к современным ему “Диокритам” и “Типоменам”. Он предостерегает и призывает к покаянию порочных гонителей и утешает страждущих праведников, опираясь на своё знание общества, свой духовный опыт, на святоотеческую нравоучительную традицию и, безусловно, на Священное Писание.

Связь драмы Георгия (Конисского) со Священным Писанием самоочевидна. Более того, он сам указывает в Эпilogue пьесы, что “Притвор [т. е. театральное представление, игра актёров, их подражание жизни – прим. А. Ц.] бо сей на прямой положен основі, – Что глаголет, то стоить і в Божіем слові” [1, с. 356].

Интересен вопрос о влиянии на содержание драмы “Воскресение мертвых” Евангельских притч. Работая над первым её действием, автор обращается к *притче Христа о пшенице и плевелах* (Матф. 13:24–30), а также к изъяснению этого иносказательного повествования (Матф. 13:36–43). Соответствующим образом и их значению уделяется внимание в разговоре персонажей начальной части произведения. Наставляя Земледела, Священник сравнивает поступки праведников и грешников: в земном мире люди живут по-разному – добродетельно и порочно. По-разному они и воскреснут на “суд ... всемирный” – “Ін, как пшениця, ін же, як плевел, бездільний”. Земледелу, а вместе с ним и зрителю, сразу же раскрывается смысл этих заимствованных из Писания аллегорий.

“Знай же, что пшеницею Христос нарицает

Невинных, а плевелам злих уподобляет” [1, с. 338],

– продолжает своё назидательное слово Священник, переходя к известному читающим Евангелие рассказу о будущем “пшеницы”, которую Бог “заберет до Своей ограды”, и “плевел”, осуждённых “з дияволом вівіки горіти”.

В первом действии пьесы достаточно ощутимо влияние и *притчи о сеятеле* (Матф. 13:1–23; Марк. 4:1–20; Лук. 8:4–15). Видя доброе произволение Земледела, его стремление больше узнать об истинах христианского учения, Священник восклицает:

“Слава Богу! не только нива пажить родить,

Но і слово Божіє в серцу людськом ходить.

Сей чоловік о другой жизнї помишляет:

Плода убо добрих діл дух мой по нем чаєт” [1, с. 339].

Наконец, говоря о драматическом произведении Георгия (Конисского), следует вспомнить и *притчу о богаче и Лазаре* (Лук. 16:19–31). Исследователи могут прибегать к сопоставлению её сюжета со вторым сюжетом пьесы “Воскресение мертвых” – с уже известной нам историей о Диоктите и Гипомене.

Как указано в справочнике “Українська література у портретах і довідках: Давня література – література ХІХ ст.” (Киев, 2000 год), именно это Евангельское повествование положено в основу драмы. Попутно отмечается, что драматург, используя притчу, проявляет оригинальность: он называет героев не библейскими или же украинскими именами, а иностранными. Такой приём “дал возможность Георгию Конисскому с бóльшей мерой обобщения, правдивее воссоздать несправедливость, которая господствует на земле” [6, с. 156]. (Приведённые мысли – мысли лишь частічно правильные – использует в одной из своих ранних работ и автор этой статьи [8, с. 66]).

Насколько сильна связь между общеизвестной притчей Христа о немилосердном богаче и пренебрежённом им нищем и драматическим рассказом святителя Георгия об “угнетателе” и “терпящем”?

Их сюжеты действительно имеют *некоторое сходство*. И в притче, и в драме “Воскресение мертвых” нравоучительно сравниваются праведная и неправедная жизненные стези, а также посмертные судьбы центральных персонажей. Оба повествования предупреждают грешника о неминуемой расплате за свои поступки и обнадёживают терпеливо переносящего различные тяготы и скорби праведника обетованием благ в потустороннем мире. Немилосердный богач и жадный убийца Диоктит обрекают себя на вечные мучения; неимущий и больной Лазарь и труженик-страстотерпец Гипомен сподоблены упокоения и награды.

Убедительное доказательство непосредственного влияния Евангельской притчи на творческий поиск драматурга-проповедника мы находим в последнем – пятом – действии пьесы. Речь идёт о примечательном эпизоде, в котором изведённый из ада Диоктит желает, чтобы о его мучениях узнали на земле:

“А тепер ніт да кто мя от ада ізбавить!

Поне братії моєй нехай кто об’явить,

Кої, по-моему, і нині обіжають, –

Ах! ах! что їм слідуєт, нехай тоє знають!” [1, с. 352].

Произнося эти слова, отрицательный персонаж драмы крайне похож на отрицательного персонажа притчи. Неоднократно упоминавшийся богач подобным образом переживает о будущем грешников, ещё пребывающих среди живых. Он взывает из ада к святому Аврааму, на лоне которого почивает Лазарь, прося послать бывшего нищего к своим братьям: “Ибо у меня пять братьев: пусть он засвидетельствует им, чтоб и они не пришли в это место мучения” (Лук. 16:28).

Итак, существование искомой нами связи между двумя произведениями неоспоримо. Работая над пьесой “Воскресение мертвых” Георгий (Конисский), безусловно, обращается и к притче Христа Спасителя о богаче и Лазаре. Трудно не ощутить её влияния на драму украинского мыслителя-моралиста. Однако это влияние имеет свои пределы: его недопустимо преувеличивать.

Даже поверхностное ознакомление со вторым сюжетом пьесы-проповеди убеждает, что он во многом отличается от сюжетной линии, развивающейся в притче. Тщательное же исследование позволяет выявить ряд *существенных отличий* драмы от повествования, приводимого в Евангелии от Луки. Это обстоятельство нельзя не принимать во внимание, ведя речь о произведении Георгия (Конисского) и о его Евангельских источниках.

Рассмотрим некоторые из таких отличий. Отсутствие полного совпадения сюжетов притчи и основной части пьесы “Воскресение мертвых” слишком очевидны, и потому начнём с отличий, существующих между центральными образами двух произведений.

Осуждённый на муки богач из притчи был чужд сострадания, милосердия и человеколюбия. Обладая огромным состоянием, он – любитель дорогих одежд и ежедневных блистательных пиров – презирал убогого Лазаря, всегда находившегося у него на глазах.

В драме Георгия (Конисского) мы встречаемся с богачом, который низводится в преисподнюю не только потому, что не благодетельствовал нищим. Диоктит не любит “бідних прошаков і духа” [1, с. 343]; он – безжалостный властитель имущий злодей, всегда готовый прибегнуть к склокам, обману, издевательствам над беззащитными людьми, захвату чужого имущества и подкупу блюстителей порядка. Ради наживы и устрашения других “Угнетатель” даже решается на убийство. Его несправедливость агрессивна: она с очевидностью превосходит несправедливость евангельского богача.

Лазарь нищ и болен. Как можно понять из притчи, он лишён возможности трудиться и потому не может зарабатывать себе на пропитание. У Лазаря нет крова и родных: он лежит у ворот богача, надеясь на малую милостыню, и псы, проходя, лижут струю на его многострадальном теле (Лук. 16:20–21).

Гипомен, как следует из текста пьесы “Воскресение мертвых”, – богобоязненный и честный труженик. У него есть семья – престарелая мать, жена и дети, – а также дом и довольно немалое имение – “нива плодоносна”, лес, “лука сінокосна”, мельница, “став чистий” и сад [1, с. 340]. В отличие от своего обидчика, он нищелюбив. Перед тем, как стать жертвой козней Диоктита, Гипомен сам заботился о неимущих и “...последнего нищим не жаліл укруха...” [1, с. 343]. В четвёртом действии драмы двое убогих, стоящих над телом замученного Гипомена, вспоминают о его милосердии: “...Кто бо от нас нищий Тоц от него отишол?” [1, с. 346].

Насколько было возможно, Гипомен пытался противостоять произволу Диоктита, действуя благочестиво и законно. С целью защитить свои права, он обращался в суд: “Апеловал, поки чим було просить суду...” [1, с. 340].

Лишённый имущества, разлучённый с семьёй и преследуемый злодеем Гипомен – “терпящий” – напоминает не Лазаря, но, конечно, лишь до некоторой степени, святого Иова. (Интересно, что имя Иов с древнееврейского переводится как “преследуемый”).

Обращает на себя внимание ещё одна особенность драматического повествования, разительно отличающая его от притчи о богаче и Лазаре. Во время загробной встречи героев пьесы Гипомен не просто поражает Диоктита своей славой. Он “посмівається” гонителю:

Г і п о м е н

“Чудишся, окаянне, днесь моему світу?”

Дивлюся непомалу і я Діоктиту:

Почто тепер на мене рук не простираєш?

Почто вінця і світлих риз не отнимаєш?

Чому мя не бієши? Се пліти готові!

Д і о к т и т

Ах! Не прикасайся їм: змії суть сурові,

А не пліти! Пожалуй, ругатись престани,

Вели уже отійти в подземніє страни.

Г і п о м е н

Іди, поспішай во ад, погибельний сину,

Не смущай очес моїх, зрящих Бога вину!” [1, с. 353].

На наш взгляд, этот эпизод драмы “Воскресение мертвых” отличается от соответствующего эпизода Евангельской притчи не только “буквально”, но и по “духу”. Его нельзя считать удачным с точки зрения христианского нравственного богословия, поскольку здесь бывший страдалец сам, в известной мере, становится угнетателем. Торжество Божьего правосудия не предполагает подобной немилости к осуждённым на вечные муки: ликующий праведник не теряет способности любить и сочувствовать. В этом убеждает, в частности, всё та же притча о богаче и нищем Лазаре. Правда, в ней находящийся в аду грешник беседует не с жертвой своей немилосердности, а с патриархом Авраамом. Святой отвечает отказом на просьбы богача, но в начале разговора называет его “чадом” (Лук. 16:25). Выдающийся экзегет Средневековья блаженный Феофилакт Болгарский справедливо усматривает в этом проявление сочувствия: Авраам “не сказал богачу: бесчеловечный и жестокий, не стыдно ли тебе? теперь ты вспомнил о человеколюбии. Но как?

«*Чаддо*»! Смотри на сострадательную и святую душу. Мудрец какой-то говорит: смиренную душу не возмущай. Поэтому и Авраам говорит: «*чаддо*», давая чрез сие знать ему, что именовать его так милостиво даже теперь в его власти, но и только, а что более сего он ничего не властен сделать для него. Что могу, то уделю тебе, то есть голос сострадания...” [7, с. 292].

Почему же в заключительном действии пьесы Гипомен “посмівається” Диоктиту, умножая его муки? Причиной (по крайней мере, одной из причин) такой ощутимо жестокой развязки, возможно, выступает излишне пылкая ревность Георгия (Конисского) – на момент написания драмы ещё достаточно молодого священноинока – о благочестии и справедливости. Будущего иерарха до глубины души возмущало беззаконие, творившееся в обществе. Как можно понять уже только из самого его произведения, сребролюбие, мздоимство, захват чужого имущества и издевательство над беззащитными в то время были, увы, нередкими явлениями. Стремясь усюветить своих алчных современников, Георгий прибегает к созданию настолько страшного для грешников финала драмы-моралите – картины своеобразной “страшной мести”. Испорченному обществу действительно требовалось напомнить о Боге как о, прежде всего, Неподкупном и Нелицеприятном Судье. Георгий (Конисский) создаёт напоминание такого рода. С драматургом-проповедником, повествующим о посмертной насмешке страстотерпца над своим гонителем, нельзя согласиться. Но понять его, – безусловно, лишь в некоторой степени – можно: обстоятельства той эпохи не могли оставить равнодушными ревнителей веры и правды.

Не будем останавливаться на разборе других отличий пьесы Георгия (Конисского) от Евангельского рассказа. Перечисленные особенности достаточно ясно свидетельствуют о том, что притча о богаче и Лазаре не является единственной и преобладающей основой драмы “Воскресение мертвых”. Поэтому автор и не даёт своим персонажам библейские имена: полного совпадения сюжетов драмы и притчи, а также их центральных

образов не происходит. Георгий даже не ставит перед собой такую цель. Используемые драматургом имена-символы древнегреческого происхождения соответствуют той довольно самобытной сюжетной линии, которую создаёт он сам, при этом, бесспорно, опираясь и на Писание.

Не случайно и то обстоятельство, что Георгий (Конисский) не называет своих героев украинскими именами. Имена “Гипомен” и “Диоктит” необычны: их использование сообщает произведению некую привлекательную неординарность. Кроме того, они, как уже указывалось, впечатляюще символичны. Древнегреческий язык был хорошо знаком образованным кругам Гетманщины – студентам, преподавателям, духовенству и, если не всем, то, во всяком случае, многим власть имущим, прошедшим обучение в академии или коллегиумах. Среди них могли быть и те самые “Диоктиты”, которых обличает драма Георгия. Вряд ли понимание значения слов “Гипомен” и “Диоктит” в то время вызывало большие трудности. Тем более, что это значение весьма доходчиво “объяснялось” во время развития сюжетной линии.

Использование оригинальных имён, обозначающих характеры персонажей, действительно помогло драматургу совершить существенное обобщение, создать производящие впечатление сборные образы угнетателя и угнетаемого и правдиво отобразить безнравственность, царящую в обществе. Однако говорить о том, что с этой точки зрения драма “Воскресение мертвых” превосходит притчу о богаче и Лазаре, по малой мере, некорректно. Евангельское повествование, бесспорно, исполнено глубочайшего смысла; в нём великолепно, “немногими штрихами” собраны воедино разные черты человеческих характеров, изображён и обличён порок, воспета добродетель. Однако его главная идея ощутимо отличается от главной идеи основной части пьесы “Воскресение мертвых”. В творении Георгия (Конисского) угнетатель совершает разнообразные грехи, в том числе, и грех убийства, и потому

осуждается на вечные муки. Притча Христа учит, что низвести человека в ад может уже само лишь его равнодушие к страданиям ближнего...

Образы богача и нищего Лазаря хорошо известны, хрестоматийны. Соответствующие имена могли быть очень успешно использованы Георгием, но лишь в том случае, если бы он стремился поставить на сцене академического театра самую указанную притчу.

Притчами о пшенице и плевелах, о сеятеле и о богаче и Лазаре, конечно, не исчерпывается перечень библейских текстов, в той или иной степени выступивших источниками драмы “Воскресение мертвых”. В то же время, их влияние на произведение Георгия (Конисского) вне всяких сомнений заслуживает внимания исследователей. Из Евангельских притч украинский драматург избирательно и творчески заимствует отдельные идеи, образность и элементы сюжетной линии. Такое заимствование помогает Георгию создать довольно самостоятельное, но и сохраняющее известную связь с притчами драматическое повествование, проповедующее важные догматические и нравоучительные истины. Повествование не вполне удачное, но в целом назидательное и пронизанное духом пастырской ревности о правде и благочестии, духом неприятия несправедливости, духом возмущения против притеснения сильным слабого. В пьесе “Воскресение мертвых” уже достаточно различим “почерк” личности воинствующего защитника угнетённых – Личности, которой и суждено было стать Святителем Христовым архиепископу Георгию (Конисскому).

Перечень использованных источников:

1. Георгій Кониський, архієпископ. Воскресеніє мертвих / архієпископ Георгій Кониський // Українська література XVIII ст. Поетичні твори. Драматичні твори. Прозові твори / Вступ. ст., упорядк. і прим. О. В. Мишанича. – К.: «Наукова думка», 1983. – С. 337–356.

2. Георгий (Конисский), архиепископ. С новым годом! / Георгий (Конисский), архиепископ // Черниговские Епархиальные Известия (Прибавление). – 1886. – № 1. – С. 1–7.
3. Дышневіч В. М. Каніскі Георгій / В. М. Дышневіч // Рэлігія і Царква на Беларусі: энцыкл. даведн. / [рэд. Г. П. Пашкоў і інш.]. – Мн.: БелЭн, 2001. – С. 145.
4. Минькевич И. Георгий Конисский, архиепископ Белорусский (1717 – 13 февраля 1795 года) / И. Минькевич // Черниговские Епархиальные Известия (Прибавление). – 1895. – № 4. – С. 116–126.
5. Православный церковный календарь на 1995 год. – М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1994. – 112 с.
6. Суліма М. Конисський Григорій / М. Суліма // Українська література у портретах і довідках: Давня література – література ХІХ ст.: Довідник. – К.: Либідь, 2000. – С. 156.
7. Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на евангелие Луки / Блаженный Феофилакт Болгарский. – М. : Лепта Книга, 2010. – 448 с.
8. Царенок А. Естетичні аспекти світогляду Георгія Кониського в контексті ідей українського бароко / А. Царенок // Сіверянський літопис. – 2011. – № 2. – С. 59–69.

Андрей Царенок,

доктор философских наук,

НУ “Черниговский коллегіум” имени Т. Г. Шевченка,

Черниговское духовное училище,

Харьковская духовная семинария

